

Г. И. Муромцев¹**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ**

Название данного доклада, на первый взгляд, содержит внутреннее противоречие: с одной стороны, правовые культуры (во множественном числе), с другой — глобализация, которая, казалось бы, предполагает лишь одну правовую культуру — глобальную. Такая постановка проблемы говорит о том, что глобализация (в ее правовом смысле) понимается в данном случае лишь как процесс все большей унификации в мировом масштабе правовых норм и институтов (прежде всего в области прав человека), а не как стадия развития человечества, где международные стандарты в этой области одинаково эффективны во всех регионах мира. В этих условиях раскрытие механизма и направленности взаимодействия правовых культур позволяет в известном смысле предвосхитить дальнейшее развитие глобализации. Исследование темы предполагает рассмотрение в рамках культурно-исторического и системно-структурного подходов ряда аспектов правовых культур и глобализации, недостаточно изученных в нашей юридической литературе.

Рассмотрение глобализации сквозь призму взаимодействия правовых культур предполагает осмысление вопроса о том, какие правовые культуры участвуют в этом взаимодействии: те, что исторически сложились к началу процесса глобализации, с одной стороны, и формирующаяся глобальная правовая культура — с другой? Что есть эта последняя — некое новое образование, возникшее за рамками существующих правовых культур, синтез нескольких (всех) современных правовых культур либо в этой роли выступает одна из них, уже существовавшая до начала процесса глобализации? Такое видение проблемы предполагает ответы на следующие вопросы: 1) содержание понятия правовой культуры, где сегодня нет единства мнений; 2) типология и класси-

фикация правовых культур; 3) исходная точка процесса глобализации и стадии, на которые он распадается, поскольку характер стадии может определять направленность, а также специфику взаимодействия правовых культур; 4) аспекты и направленности их взаимодействия.

При рассмотрении первого вопроса мы исходим из понимания правовой культуры как «среза», или аспекта, «большой», то есть общесоциальной, культуры, характер которой предопределяет структуру и место в обществе правовой культуры. В данном контексте под общесоциальной культурой мы понимаем некую исторически сложившуюся «конструкцию» общества, которая включает, помимо социально-классовой структуры и форм собственности, философию миро- и правопонимания, знания, навыки, умения, обычаи, законы, религию и т. д.²

Правовая культура, как и культура общесоциальная, включает элементы духовного и материального, объективного и субъективного, пронизывая все сферы и аспекты правовой действительности: характер правопонимания, правовую психологию, структуру и доктрину права, уровень юридической техники и т. д.

Всякая культура — правовая и общесоциальная, будучи продуктом истории, отражает известную ее стадию в преломлении к тому или иному обществу. Вместе с тем ее содержание может включать элементы, заимствованные извне: ведь история культур предполагает их взаимодействие и взаимовлияние. В контексте данной темы важно отметить, что в ходе этого процесса объективные и субъективные элементы структуры правовых культур могут демонстрировать отнюдь не одинаковую степень подвижности и восприимчивости к внешнему влиянию.

Специфика современной правовой карты мира состоит в том, что представленные на ней правовые культуры (либо их элементы) отражают практически все стадии истории права — от самых ранних до самых развитых. В этих условиях типология правовых культур актуальна с точки зрения не только

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук. Автор книг: «Конституции арабских государств», «Мусульманское право (структура и основные институты)», «Источники права в развивающихся странах Азии и Африки. Система и влияние традиции», «Конституционное право развивающихся стран», «Теория государства и права», «Право и политика современной России».

² См.: Муромцев Г. И. Культура и право: аспекты соотношения // Право и культура / под ред. Н. С. Соколовой. 2-е изд. М., 2009. С. 66–123.

истории, но и характера их взаимодействия в современном мире. В основу этой типологии мы положим характер права и правопонимания как «несущих конструкций» правовой культуры. С этой точки зрения можно выделить два исторических типа правовых культур: традиционный и современный, или буржуазно-европейский. Поскольку Европа давно преодолела этап традиционного развития, то два указанных типа правовых культур можно определить как традиционно-восточный и буржуазно-европейский. Если традиционное право основано на религии либо тесно с ней связано, то европейское право буржуазного типа, будучи светским, выступает уже в «чистом» виде. Важно отметить, что религии стран Африки и Востока, в отличие от Западной и Центральной Европы, не прошли через Реформацию. Хотя традиционное право и традиционная правовая культура возникают в древности и Средневековье, однако связанные с ними проблемы актуальны и сегодня в обширных районах Африки и Востока. Их проявление связано также с актами международного терроризма, обычно осуществляемыми носителями традиционной правовой культуры в форме радикального ислама.

Буржуазно-европейский тип правовой культуры, помимо собственно Европы, представлен также в Северной и Южной Америке, Австралии. Он доминирует в ряде стран Востока (Япония, Южная Корея, Тайвань). В остальных регионах мира он существует в неразвитых формах в силу незавершенности процесса построения буржуазного общества.

Классификация правовых культур предполагает выделение их разновидностей в рамках отдельных исторических типов этих культур. Так, в рамках их традиционного типа можно выделить культуру обычного права и культуру традиционно-религиозного права (иудейского, индусского, мусульманского). Буржуазно-европейский тип правовой культуры включает культуру англосаксонского права и культуру романо-германского права.

Помимо этого, существуют правовые культуры, переходные от одного типа к другому. При этом в одних случаях они отражают переход общества от одной социальной системы к другой (в России, например, от тоталитарно-советской, а по сути полутрадиционной, к буржуазно-европейской). В других случаях элементы европейской и традиционной правовых культур сосуществуют в течение десятилетий и даже веков в рамках «национальной» правовой системы, проявляясь в характере соответствующего правосознания, норм и институтов, а также механизмов действия права. При этом соотношение традиционных и европейских элементов в правовой культуре той или иной страны обратно пропорционально уровню ее буржуазного развития. Такая картина характерна для многих регионов Африки, Ближнего и Среднего Востока, Индии и т. д.

Раскрытие механизма взаимодействия европейских и традиционных элементов правовых культур требует учета как минимум двух существенных особенностей традиционной правовой культуры. Это:

- 1) восприятие мира и его составляющих, в том числе права и государства, вне контекста истории, то есть в качестве несотворимых, вечных и неизменных. Такое правопонимание, характерное для ранних стадий традиционного права, остается затем определяющим, хотя позже дополняется правопониманием, признающим сотворимость и изменчивость права;
- 2) наличие в структуре этого права синкретичного «пласта», где право, мораль и религия выступают в слитном виде. Это обстоятельство обуславливает возможность несовпадения сферы действия традиционного права с границами государства. Кроме того, фактор слитности делает проблематичным включение в механизм действия такого права каких-либо внешних норм, в том числе и законов государства. Отсюда — феномен «живого права», действующего за рамками правовой системы во многих странах афро-азиатского региона.

Рассматривая проблему взаимодействия правовых культур в условиях глобализации, следует учитывать, что известная «матрица» такого взаимодействия сложилась еще до начала процесса глобализации. Она включала различные его уровни, или аспекты: межтипное и внутритипное; региональное, межгосударственное, а в ряде стран и внутригосударственное взаимодействие. С началом процесса глобализации формируется также глобальный уровень взаимодействия правовых культур. Оно осуществляется прежде всего в рамках принятых ООН международных актов о правах человека — сначала на стадии их создания, а затем при их имплементации в национальные правовые системы.

Думается, создание Организации Объединенных Наций следует считать исходной точкой современного процесса глобализации. Хотя мир был еще расколот на две противоположные системы, а десятки стран имели статус колоний и полукolonий, однако появление такой всемирной универсальной организации, как ООН, положило начало новому миропорядку, основанному на принципах международного мира и сотрудничества государств. Всеобщая декларация прав человека 1948 года вместе с принятыми позже пактами об экономических, социальных и прочих правах человека, а также факультативными протоколами к ним составила Международный билль о правах человека¹. Он стал своеобразным международным стандартом для соответствующих разделов конституций десятков государств мира.

Крушение колониальной системы положило начало второй стадии глобализации. Впервые мир становится глобальным в том смысле, что все его страны стали равноправными субъектами международного права.

Наконец, начало третьей, современной, стадии глобализации положил распад СССР и «социалистического содружества» государств. Раньше процесс глобализации «пересекался» с противостоянием двух социально-политических систем, в условиях которого правовые культуры не столько взаи-

¹ Lawson E. Encyclopedia of human rights. N. Y., 1991. P. IX–XIX.

модействовали, сколько противостояли друг другу. Реальное их взаимодействие возможно было в рамках лишь каждой из этих систем либо стран «третьего мира». Теперь капитализм становится доминирующей в мире общественно-экономической формацией, а глобализация — по сути, процессом его превращения в некое единое мировое сообщество буржуазного типа. В силу логики такого развития правовая культура буржуазно-европейского типа начинает играть роль глобальной правовой культуры. Однако едва ли в обозримом будущем это приведет к мировой унификации правовых культур, во-первых, потому что в мире широко еще пространство действия традиционных (полутрадиционных) правовых культур; во-вторых, в силу все возрастающего разрыва в уровне развития наиболее передовых и наиболее отсталых стран мира. Как известно, социально-экономическая и культурная отсталость есть фактор консервации традиционных (полутрадиционных) отношений и соответствующих правовых культур.

В этих условиях взаимодействие правовых культур происходит по двум направлениям. Во-первых, в рамках европейского их типа как основы глобальной правовой культуры; во-вторых, между последней и правовыми культурами традиционного (полутрадиционного) типа. Что касается внутритипового взаимодействия традиционных правовых культур, то оно практически отсутствует в силу их взаимоотторжения на уровне слитного пласта их структуры.

Эти два направления взаимодействия правовых культур рассмотрим на примере механизма имплементации положений Международного билля о правах человека (как глобального стандарта в этой области) в регионах мира, представляющих европейскую правовую культуру, и в регионах, где представлены традиционные (полутрадиционные) правовые культуры.

В первом случае такое рассмотрение показывает, что сама по себе общность доктрины и структуры права недостаточна для унификации положения в области прав человека в соответствующих странах либо регионах. При этом обнаруживается зависимость эффективности имплементации международных стандартов в области прав человека от уровня социально-экономического и политического развития соответствующих стран. Не случайно Международный билль о правах человека наиболее успешно реализуется на европейском континенте. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, действующая в рамках Совета Европы с 1953 года и ратифицированная всеми его членами, наиболее полно отражает права и основные свободы человека, представленные в Международном билле о правах человека. Каждое государство — участник Конвенции берет на себя обязательство привести свое законодательство в соответствие с ее положениями. Впервые в истории здесь создан эффективный международный внегосударственный механизм защиты прав человека. Он включает Европейскую комиссию по правам человека и Европейский

суд по правам человека, наделенные полномочиями по рассмотрению жалоб от государств, неправительственных организаций и граждан о нарушении прав человека государствами — участниками Конвенции¹. Практика свидетельствует, что этот механизм динамично развивается.

В то же время на американском континенте, также представляющем европейскую правовую культуру, мы видим другую картину. Межамериканская конвенция по правам человека 1969 года (по сути, скопированная с Европейской конвенции) серьезно уступает последней с точки зрения представленных в ней прав и основных свобод человека, числа ратифицировавших ее государств (среди них, в частности, нет США), а также эффективности механизма имплементации международных норм о правах человека. Она включает Межамериканскую комиссию и Суд по правам человека. Причины этого обычно видят в политической нестабильности ряда государств региона². Но ведь политическая нестабильность также имеет свои причины, как правило, социально-экономического характера.

Еще больший контраст между положениями Международного билля о правах человека и практикой их имплементации наблюдается в регионах, представляющих традиционные (полутрадиционные) правовые культуры.

В Африке, например, Африканская хартия прав человека и народов 1981 года (принятая в рамках Организации африканского единства) подчеркивает в преамбуле значимость исторических традиций и ценностей африканской цивилизации, лежащих в основе концепции прав человека и народов; выделяет приоритетное значение права на развитие, только в условиях которого могут быть гарантированы права человека, и т. д. Здесь фактор традиционной культуры наряду с социально-экономической и культурной отсталостью стран региона предопределяет неэффективность как самих положений Африканской хартии, так и механизма ее обеспечения в форме Африканской комиссии по правам человека и народов³.

Своеобразна ситуация в регионе Ближнего и Среднего Востока. Здесь действуют Арабская хартия прав человека 2004 года, принятая в рамках Лиги арабских государств, и Всеобщая исламская декларация прав человека 1982 года, подготовленная Европейским исламским советом, действующим в рамках ЮНЕСКО. Если первая является, по сути, светским документом, где воспроизводится известная часть положений Международного билля о правах человека, то вторая провозглашает аналогичные положения имеющими божественное происхождение и в силу этого неизменными и обязательными для исламских государств⁴. В то же время в научной

¹ Общая теория прав человека / под ред. Е. А. Лукашевой. М., 1996. С. 478–482.

² Там же. С. 484–487.

³ Bassat A. Droit de l'homme et l'Africanite // Penant. 1984. № 785. P. 285–286; Lawson E. Op. cit. P. 13–17.

⁴ Sinaceur M. A. Declaration Islamic universelle des droits de l'home. Presentation // Droits de l'home, droits des peuples. Etudes reunites par Alain Fenet. P., 1982. P. 228–235.

литературе арабских стран можно встретить высказывания о несовместимости международных документов о правах человека, отражающих «исключительно западные идеи», с культурой стран Востока¹. Пока не приходится говорить об эффективности механизма имплементации положений Международного билля о правах человека в национальное законодательство стран этого региона.

Что касается государств Азии, то там этого механизма просто не существует². Итак, фактором разбалансированности процесса имплементации международных норм о правах человека является несоответствие уровней социально-экономического развития и общественного правосознания.

При внутритиповом взаимодействии имплементация ведет к неэффективности и даже фиктивности отдельных норм и институтов, заимствованных из более развитых правовых культур. Пример тому — положения Конституции РФ о демократическом характере Российского государства, высшей ценности прав человека, крайне неэффективные структуры СНГ, во многом заимствованные у Европейского Союза, и т. д.

Что касается межтипového взаимодействия правовых культур, то их «несостыкованность» проявляется

в нескольких вариантах: 1) попытки соединения в одно целое элементов европейской и традиционной культур (включение в Конституцию Исламской Республики Иран 1979 г. значительного числа цитат из Корана; распространенная в арабских странах практика включения в конституции положений о шариате как основном источнике законодательства; о равенстве граждан лишь в его рамках и т. д.); 2) традиционное истолкование европейских государственных институтов (наличие поста духовного — наряду со светским — главы государства в Исламской Республике Иран; знание мусульманского права как условие вхождения в состав Верховного суда Йеменской Арабской Республики и т. д.); 3) параллельное действие в ряде социальных сфер норм европейского и традиционного права (законодательство о личном статусе во многих афро-азиатских странах); 4) «живое право» как сегмент традиционного права, действующего за рамками официальных правовых систем.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что в обозримом будущем процесс глобализации будет в известном смысле «зауженным» в силу невключенности в него традиционных (полутрадиционных) правовых культур.

¹ Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2009. С. 387.

² Общая теория прав человека. С. 486.